

Ю. И. АСЕЕВ, Н. А. КАНЦ, И. Н. КРАВЧЕНКО

РУССКИЙ МИР:

АНАЛИЗ СОСТОЯНИЯ, ПРОБЛЕМЫ

**Инна Николаевна Кравченко
Юрий Иванович Асеев
Наталья Александровна Канц
Русский мир: анализ
состояния, проблемы**

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=12180544

Русский мир: анализ состояния, проблемы: АГРУС; Ставрополь; 1014

ISBN 978-5-9596-1032-6

Аннотация

[<p id="__GoBack">](#)Россия – уникальная по своему потенциалу страна, в которой, казалось бы, жить да жить. Стало быть, должен быть кто-то, в ее гибели очень заинтересованный и ждущий только подходящего повода, чтобы довершить начатое и «прибрать к рукам долгожданное наследство». Кто же он, этот злокозненный вражина? Цель работы: «попробуем понять, что было, что будет со страной, чем сердце успокоится, да чем дело кончится?..» Данная монография начинается с вопроса «что было?». Как известно, не зная своего прошлого, практически невозможно научно оценить настоящее, не говоря уже о том, чтобы предвидеть будущее. Для преподавателей, соискателей, аспирантов и студентов всех специальностей и направлений высших учебных заведений.

Содержание

Введение	5
Глава I. Горизонты анализа русского мира	8
1.1. Западная Русь в XV–XVII веках	8
1.2. Запорожская Сечь: краткий исторический и социально-экономический анализ	21
Конец ознакомительного фрагмента.	33

**Юрий Асеев, Инна
Кравченко, Наталья Канц
Русский мир: анализ
состояния, проблемы**

© ФГБОУ ВПО Ставропольский государственный аграрный университет, 2014

Введение

Современная Россия находится в сложном положении. Она все более зависима. Нас, русских, перестали уважать. Жизнь с каждым месяцем все дороже и опасней. Экономика практически разваливается, и если бы не нефть, давно бы рухнула. Народ вымирает, и русские особенно быстро.

В этих условиях разнообразные полулегальные «национальные» общины из бывших советских республик, окопавшиеся в наших городах, и в первую очередь, в Москве, оккупировали наши рынки, практически открыто торгуют наркотиками и, главное – демонстративно презирающие нас, коренное население, плюющие на нашу историю, культуру, образ жизни, обычаи и нормы поведения. Они плодовиты и спаяны родоплеменным единством, они наглы и агрессивны, они даже не пытаются стать частью нашего общества, а чувствуют себя буквально оккупантами в завоеванном городе. К тому же русское общество давно раскололось на две части: бедных и богатых. Все это так. И самое мерзопакостное и обидное то, что простой россиянин в своей собственной стране оказывается беззащитным. Потому что законы, суды, полиция, абсолютное большинство прессы – все это тоже у них и для них. Потому что степень «свободы» и «прав человека» в нашей стране, о которых так любят поговорить разного рода «демократы», определяются исключительно нали-

чием денег. Нет денег – нет тебе ни прав, ни свобод.

Нам – историкам, обществоведам, тем паче философам понятно само по себе: ничего из ничего не происходит, должна быть причина, дающая возможность хотя бы понять, кто за этим стоит и к чему все это может привести. Как известно, не зная своего прошлого, практически невозможно верно оценить настоящее, не говоря уже о том, чтобы предвидеть будущее.

Для начала обращаем внимание на тот исторический феномен, который многие отмечают, но почти никто не желает объяснить его сущность.

Как известно, одна голова российского герба обращена на запад, а другая на восток. По той простой причине, что находясь и в Европе и в Азии, Россия изначально не принадлежала ни к Европейской, ни к Азиатской цивилизациям, а являлась, по сути, своей отдельной самобытной цивилизацией – Евразийской. И, как следствие, России постоянно приходится воевать, используя различные методы борьбы, отстаивая себя, то с теми, то с другими. Об этой патологии европейского, американского сознания, с негодованием в свое время писали Ф. Тютчев, Г. Данилевский, И. Ильин и еще великое множество русских писателей и философов в XIX и XX веках. Даже А. Пушкин в 1834 году возмущался: «Европа в отношении России всегда была столь же невежественна, как и неблагодарна». Из всего написанного вытекает единственно возможный вывод: источник опасности для России со сторо-

ны окружающего мира и сегодня остается все тем же. За всеми «оранжевыми революциями» и за готовящимися у нас реформами, а также событиями вокруг Украины, стоит именно «Запад». Причем не как географическое понятие (и потому оно в кавычках), а как цивилизация, созданная международным финансовым капиталом в союзе с нашими отечественными толстосумами. Цель нашей работы: совместно с думающей частью студенческой публики попытаться понять, что было и что будет с Россией, чем «сердце успокоится» и «чем дело кончится»...

Глава I. Горизонты анализа русского мира

1.1. Западная Русь в XV–XVII веках

Господство среднего помещика определяло не только внутреннюю, а и внешнюю политику Московского государства после Смуты. Боярская Русь XVI века остерегалась обострять свои отношения с Западом и была, по своему, права: ливонская война при Грозном кончилась неудачей; феодальные ополчения московского царя не выдерживали схватки грудь с грудью против регулярных армий новой Европы. Надо было искать врага по себе, каким казались крымские и поволжские татары. От них умели, по крайней мере, отбиваться: а когда под Москву в 1610 году пришла польская армия, ей сдались сразу, и не пытаясь завязывать неравной борьбы. Дворянское ополчение, собранное торговыми городами, уничтожило ореол непобедимости, окружавший до тех пор польское «рыцарство». Раньше полякам случалось проигрывать отдельные сражения: то, что произошло под Москвой в 1612 году, было проигрышем целой кампании. Правда, дальнейший переход в наступление не удался победителям. А когда против Московского государства оказались еще

шведы, и вовсе пришлось сдаваться. К 1620 годам Московская Русь была отброшена на Восток дальше, чем это было когда бы то ни было со времени Ивана III. Не только у Москвы не было теперь ни одного порта на Балтийском море, но все выходы в это море были наглухо для нее заперты: в XVII веке стало чужим даже то, что целые столетия было своим для Великого Новгорода. А сухопутная западная граница с Литвой подошла почти к пределам нынешней Московской губернии. Днепр на всем протяжении стал нерусской рекой, а Вязьма стала первым пограничным русским городом с Запада. Такой разгром, казалось, должен был бы надолго отбить охоту от всяких предприятий в эту сторону. На самом деле, XVII столетие оказалось веком «западных» войн.

Покорение западной Руси литовскими князьями сопровождалось подчинением Литвы русскому влиянию. В начале XV в. покоренные русские области, земли Подольская, Волынская, Киевская, Северская, Смоленская, Полоцкая и другие, и по пространству, и по количеству населения значительно превосходили покорившее их Литовское княжество и как по племенному, так и по культурному своему составу это литовско-русское княжество являлось больше русским, чем литовским государством. Русский язык и русское право, русские нравы вместе с православием стали распространяться среди полудикой языческой Литвы. Культурное сближение соединенных народностей под преобладающим воздействием более развитой из них шло так успешно, что полное

слияние обеих народностей становилось возможно.

Русские князья, владевшие этими областями на древнем родовом праве подобно своим предкам XI и XII веков, подчинившись власти великого князя литовского, обязывались служить ему верно и платить дань, а он им жаловал их княжения в вотчину на наследственном праве или иногда во временное владение, до своей господарской воли. Этим разрушено было старинное родовое владение князей, и к началу XVI века они стали служилыми вотчинниками, полными собственниками своих княжеств и вместе со знатнейшими русскими боярами и литовскими вельможами образовали землевладельческую аристократию, подобную польской. Члены этой аристократии, паны, составили правительственный совет, или раду великого князя литовского, которая сильно ограничивала его власть.

Усиление дворянства в Литовском княжестве сопровождалось упадком старинных городов западной Руси. В старой Киевской Руси область со своим волостным городом составляла цельную землю, которая подчинялась решению веча старшего города. Теперь со введением господарских урядов областной город оторвался от своей области: место веча заступил назначаемый великим князем воевода с подчиненными ему старостами, каштелянами и пр. Подгородные земли, находившиеся в общинном пользовании этих городов, розданы были великими князьями в частное владение с обязательством ратной службы. Служилые землевладельцы, бояре

и земляне, прежде входившие в состав городских обществ, теперь шляхетскими своими привилегиями обособившись от мещан, торгово-промышленного городского населения, начали покидать города, селясь в своих вотчинах и выслугах, пожалованных имениях.

Великокняжеские урядники, воеводы, каштеляны и старосты притесняли горожан. Чтобы вывести города западной Руси из упадка, литовско-польские государи давали им немецкое городовое самоуправление или магдебургское право, которое в XIII и XIV веках проникло в Польшу вместе с немецкими колонистами, наводнявшими тогда польские города. Еще в XIV веке это самоуправление было введено в городах Галицкой земли, которая присоединена была к Польше королем Казимиром Великим в 1340 году; с половины XV века магдебургское право распространилось и в других городах западной Руси. По этому праву горожане получили некоторые торговые привилегии и льготы по отправлению казенных повинностей и освобождались от подсудности воеводам и другим правительственным урядникам.

Поляки добивались присоединения Литвы с западной Русью к Польше, а Ягайло, ища поддержки в трудной борьбе с Тевтонским орденом, обещал им это, обещал еще принять католицизм со всем литовским народом. Эти обоюдные расчеты и были скреплены женитьбой Ягайло на наследнице польского престола Ядвиге в 1386 году. Следствием этого брака было династическое соединение двух соседних го-

сударств, королевства Польского и великого княжества Литовского. Это событие произвело важные перемены в положении русских областей, вошедших в состав Литовского государства.

Политическое влияние Польши на Литву, сближая литовско-русский государственный строй с польским, в XV и первой половине XVI века поддерживало кое-как многократно обновлявшийся новыми договорами династический союз обоих государств, то имевших отдельных государей, то соединявшихся под властью одного. Не так удачно было церковное влияние Польши: в этом отношении ее уния с Литвой сопровождалась следствиями, которые грозили отторжением Литовской Руси от польско-литовского союза. Ягайло с помощью поляков обратил часть Литвы в католичество. Поляки хотели закрепить династическую унию Польши с Литвой церковным единством союзных государств и со своим духовенством во главе повели католическую пропаганду среди православного литовско-русского населения, но встретили сильный отпор, который уже в конце XV века повел к тому, что русские князья, подчиненные Литве, Одоевские, Белевские, Воротынские и другие, владения которых примыкали к московским границам, начали переходить на московскую службу со своими вотчинами. Эти переходы вызвали две войны Ивана III с Литвой, кончившиеся тем, что великий князь московский удержал за собой земли всех русских князей, ему поддавшихся.

Успехи протестантизма в Польско-Литовском государстве послужили одним из условий, подготовивших выгодное для Польши решение вопроса о вечном соединении ее с Литвой. Эти успехи остановили католическую пропаганду в Литовской Руси. Покровительствуя протестантам, последний Ягеллон благоволил и к православным и принял очень важную для них меру. Одно постановление Городельского сейма 1413 года лишало православных права занимать государственные и общественные должности. В 1563 году Сигизмунд Август отменил это постановление. Это изменило отношение православного литовско-русского населения к польскому правительству; теперь, с ослаблением католической пропаганды, которую поддерживали прежние короли, православные люди Литвы перестали бояться польского правительства. Эта перемена сделала возможным продолжение политического союза Литвы с Польшей. В январе 1569 года собрался сейм в Люблине для решения вопроса о продолжении унии. Литовские сенаторы и послы (депутаты) долго не соглашались на предложенные поляками условия унии. Но король привлек на свою сторону двух влиятельнейших магнатов юго-западной Руси, которые стояли во главе православного дворянства. Один из них был Рюрикович, воевода киевский князь Константин Острожский, другой Гедиминович, воевода волынский князь Александр Чарторыйский. Эти два магната и увлекли за собою все юго-западное русское дворянство, за которым принуждено было

последовать и литовское. На Люблинском сейме политический союз обоих государств был признан неразрывным и соединенное государство получило окончательное устройство. Оно превращалось в избирательную, республикански устроенную монархию, называвшуюся Речью Посполитой (перевод лат. *Respublica*). Для истории юго-западной Руси всего важнее было то постановление Люблинского сейма, по которому некоторые части этой Руси, входившие в состав Литовского княжества, теперь отошли к Короне, т. е. к Польше. Это были: Подляхия (западная часть Гродненской губернии), Волынь, Подолия и Украина (губерния Киевская и Полтавская с частью Черниговской). Благодаря присоединению этих областей к Короне они подпали под непосредственное влияние Польши.

Территория древнерусских княжеств к западу от Днепра ни в один момент древнерусской истории не являлась, таким образом, совершенной пустыней. Переход ее под главенство Литвы в половине XIV века (наиболее правдоподобной датой занятия литовцами Киева является, как известно, 1362 год если что-нибудь изменил в положении дел, то только к лучшему. В лице литовского великого князя Киевщина получила очень сильного сюзерена, от которого в случае необходимости можно было ждать поддержки, но который, как и всякий феодальный сюзерен, во внутренние дела своих вассалов не вмешивался. «В Литовско-Русском государстве, – говорит один из новейших источников этого

последнего, – установился социально-политический строй, сильно напоминающий средневековый западно-европейский феодализм». Феодальные отношения составляют не «западноевропейское», а «общеевропейское» или даже общечеловеческое явление, как мы знаем. Но литовский феодализм был действительно ближе к западному типу, нежели, например, московский. Здесь были резче выражены как феодальный иммунитет, так и иерархичность феодального строя, делавшая из господствующего общественного слоя некоторое подобие лестницы. Литовский великий князь вовсе не собирал податей в вотчинах своих вассалов, тогда как северо-восточные князья всегда собирали, по крайней мере татарскую дань, и вовсе не имел там права суда, тогда как его великорусские современники всегда оставляли себе наиболее лакомые куски судебного дохода. Феодализм вообще равнодушен к национальным перегородкам – национализм появляется лишь на следующей ступени социального развития. Уже поэтому нельзя было ожидать какого-нибудь гнета со стороны литовского сюзерена по отношению к его русским подданным, только потому что он литовец, а они русские. Совершенно не видно, чтобы здесь была какая-нибудь борьба за национальное право, – очевидно, и мысли об этом не приходило в голову ни завоевателям, ни завоеванным. Католическая церковь, явившаяся в Литву после унии с Польшей (в 1386 году), пыталась провести другую границу – запретить дверь в великокняжескую думу «схизматикам», сделав

из православных, так сказать, вассалов второго сорта. То, что казалось историкам религиозной перегородкой, на самом деле было социальной, и религиозной борьбы в Западной Руси не было до конца XVI века точно так же, как не было национальной.

Не вызвало такой борьбы и формальное присоединение Юго-Западной Руси к Польскому королевству по Люблинской унии 1569 года. История этой унии представляет собою чрезвычайно поучительный пример того, как под национальным конфликтом скрывается в сущности социальный. В старой литературе, например у Соловьева, дело изображалось так, что унию поляки навязали Литве, литовцы же «сильно упорствовали, но потом должны были согласиться на соединение, когда видели, что не поддерживаются русскими». Мотивом, заставлявшим «русских» держать нейтралитет в споре, были притеснения, которые они якобы испытывали от «литовских вельмож». Что последние не пользовались никакими особенными привилегиями сравнительно с «вельможами» русскими, это мы уже знаем. Несомненный факт, что и русская знать относилась к унии так же враждебно, как и паны радные литовского происхождения: в числе крупных землевладельцев непосредственно аннексированного Польшею Подляшья (восточный угол позднейшего «царства Польского»), устроивших настоящую obstruction в борьбе с унией, мы находим коренные русские фамилии Ходкевичей и Сапег. Сейчас мы должны отметить дру-

гое: если «капиталисты» знатного происхождения косо смотрели на унию, к ней совсем иначе должны были относиться незаинтересованные в «предприятии» средние и мелкие землевладельцы. Так оно и было.

Польша шла впереди Литвы в процессе социального развития – в ней переход политической власти в руки среднего помещика (в Польше величавшегося «народом», как в Московском государстве такой же помещик был «всей Землей») совершился уже в первой половине XVI века. Глядя на это, литовско-русская шляхта не могла не «разлакомиться», и никакие попытки литовской аристократии купить себе мир со своим дворянством социальными уступками не достигали цели.

Собственно, шляхтетский «народ» Литвы уже держал верховную власть в своих руках, но ему было мало и теоретического признания его верховенства: ему нужно было свое, шляхтетское правительство, а этого он не надеялся достигнуть без помощи польской шляхты. Люблинская уния, поставившая весь ход дел в объединенной Речи Посполитой под контроль общего польско-литовского сейма, где не было ни литовских «княжат», ни иных членов по личному праву, а только «послы, избранные литовским и польским рыцарством», осуществила это желание. Насколько оно было главным, а все другие стороны унии второстепенными, видно из того, что отдельные «земли» не остановились перед перспективой стать непосредственными подданными «короны», как

только явилось сомнение, удастся ли провести план объединения на шляхтетских условиях для всей Литвы. «Захват» поляками Подляшья и Волыни, а затем Подолья и Киевщины при совершенно явном попустительстве местной шляхты, которая все время хлопотала об обороне не от «захватчиков»-поляков, а от своей туземной аристократии (доходившей до угроз татарами!), представляет собою одну из любопытнейших сторон унии 1569 г. Он лучше всего другого показывает, что образование Речи Посполитой было последствием не каких-нибудь дипломатических шахматных ходов – так часто изображались дела в старые годы, – а политическим закреплением общего как для «короны», так и для «княжества» социального явления – перехода фактического влияния в обществе от крупной феодальной знати к среднему землевладению. В Польше и Литве в первой половине XVI века произошло то же, что в иных политических формах случилось на три четверти столетия позже в Московской Руси.

Ту же особенность мы замечаем и в распространении барщины. Она есть уже всюду; но на востоке, в землях великого княжества Литовского, в начале второй половины XVI века она только появилась. Как и в дворцовых имениях Московской Руси того же времени, хозяйство пытались поставить рационально: из «устава о волоках» мы выносим очень живое представление о том, как была организована крестьянская «работа» в большом благоустроенном имении Юго-За-

падной Руси. Староста – «войт» – в воскресенье назначал каждому из «подданных» его урок на всю неделю. За исправным выполнением этого урока следили строго: кто не выходил на работу вовремя, в первый раз платил грош, во второй раз – барана, в третий раз его «бичом на лавке карали»; если манкировка была злонамеренная, например, по причине пьянства, телесное наказание полагалось сразу. Зато можно явить начальству об уважительной причине, мешающей выйти на работу; только от самой работы ни в каком случае нельзя было избавиться: пропущенные дни должны были быть отработаны во что бы то ни стало. Регламентировано было употребление времени и в течение самой работы: к то работал со скотом – волом или лошадию – имел право отдыхать три часа в продолжение рабочего дня – час перед обедом, час в полдень и час перед вечером; пеший работник отдыхал все эти три раза по получасу. Выходить на барскую работу обязательно было «як солнце всходить», а уйти можно было только на заходе солнца. Но строго регламентированная количественно барщина была еще невелика, как можно было бы догадаться уже по относительным размерам барской и крестьянской запашки: у крестьянина брали в Литве 2 дня в неделю, т. е. 1/3 его рабочего времени. В Галичине мы встречаем гораздо более высокие нормы работы: двухдневная барщина спускается чуть не на последнее место, наиболее распространенной является обязанность работать 3 дня в неделю или же каждый день по полудню, и не редки – нисколь-

ко не реже двухдневной барщины – четырех- и пятидневная; это был максимум эксплуатации, так как два дня в неделю, воскресенье и базарный день, крестьянам оставляли всегда.

Итак, мы видим двух классовых противников внутри одного и того же общества. Это были два разных способа ликвидации древнейшего, «натурального», феодализма. Польским панам лучше удалась задача, на которой сломало себе шею московское боярство XVI века. Их латифундии более успешно превращались в сельскохозяйственные предприятия с обширной барской запашкой и массовым применением крепостного труда. Здесь мы имеем уже в XVI веке тот «восточноевропейский» тип хозяйства, который в великорусские области стал проникать лишь в XVIII. Но и противник у польской латифундии был более европейский. Если не бояться характеризовать сложное явление по одному признаку, казацкую земельную собственность в массе среднюю или мелкую, знавшую батраков и «подсосудников», но не знавшую ни организованной барщины сотен крестьян, ни сеньориальных прав землевладельца, ни иммунитета, ни права суда, ни мелких землян-вассалов, можно бы назвать «буржуазной». Казацкая буржуазия, она не могла обойтись без «чернорабочих», без массы «поспльства», и благодаря этому она была в своих лозунгах демократичнее своей социальной сущности. Но когда боевой момент прошел, экономические отношения взяли свое: казачество разместилось наверху, поспльство осталось внизу.

1.2. Запорожская Сечь: краткий исторический и социально-экономический анализ

С последней четверти XVI века тот антагонизм мелкого и крупного землевладения, который воплотился в украинских казаках и польских панах, приобретает свою окончательную форму. Первые находят идеальное оправдание своих классовых требований, выступая защитниками православия против унии; вторые, проводя эту унию, стараются сделать православную церковь орудием в руках крупного землевладения. А на попытку польских помещиков подчинить всецело казачество польской «государственности», взять его целиком на коронную службу и точно регламентировать его положение на этой службе казаки отвечают тем, что создают себе заграничный центр, независимый от польского государства, в образе Запорожской Сечи.

Процесс развития феодальных отношений привел к массовому обезземеливанию не только отдельных «селян», но и целые селения. Так, к примеру в одном селе Перемышльского староства к середине XVI века было 36 тяглых хозяйств, сидевших на полудворищах, а через 10–15 лет осталось лишь 20 загородников – безземеленных бобылей, работавших на барской пашне. Люстрация лухо замечает, что это случилось

«по вине самих крестьян», но трудно ли было найти «вину» в подобном случае?

Что делали обезземеленные? В одних случаях, как мы уже видели, параллельно с экспроприацией крестьянства рос разряд загородников, рос, кажется, даже быстрее, чем шло обезземеление.

В Саноцком старостве за еще меньший период, с 1558 по 1565 год, число загородников удвоилось; здесь загородники составляли в этом последнем году 11 % всего населения, а в Перемышльском – даже 26 %. Но далеко не все обезземеленные попадали в эту категорию. То, что крестьян довели до потери своего хозяйства, ясно указывало на избыток в данном имении рабочих рук; но, если были избыточные рабочие руки, естественно было использовать их в другом месте, где были «великие и густые леса». О том, чтобы «осаживать» людьми леса, «на волокнистые размеренные», заботится даже устав Сигизмунда-Августа в сравнительно просторной еще Литве. Новым поселенцам давалась льгота на пять, на шесть, даже на десять лет, а где были «черные леса, тяжкие к вырублению», и еще больше. На западной окраине должны были заботиться о том же еще ревностнее, и действительно, добрая доля Саноцких «королевщин» «была свежим колониационным приобретением»: в начале XVI века здесь было не более 30 сел, принадлежавших короне, в середине – до 54. Прибыль падала здесь, как и в Перемышльской земле, почти исключительно на «горские села», *villae submontanae*, вре-

завшиися в лесную чащу Карпат, куда уходили «копать лес» люди, не примирявшиеся дома с положением загородников. Как быстро шло здесь заселение, видно из того, что на верховьях Вислока люстрация 1565 года застала 18 сел с 311 хозяйствами на 200 ланах земли, о которых и помину не было в начале столетия. Нет надобности говорить, что здесь условия крестьянской жизни были совсем иные, чем на старых местах: о барщине здесь и во второй половине XVI века иной раз ничего не слышали, разве что ходили в горячую пору на помочи. Но перейти на другую землю того же хозяина – это было еще полсвободы. Просторные земли на востоке манили больше, нежели «тяжкие леса» Карпат. Переписи нередко сообщают нам, как крестьяне, у которых соседние паны оторвали добрый кусок пашни и сенокоса, кинули оставшуюся землю и «пошли себе», пошли неведомо куда. И такие неведомо куда ушедшие люди встречались уже в изобилии не только на западе, а и на востоке: «устав о волоках» много внимания уделяет беглым, видимо, очень заботясь о том, чтобы не отрезать им дороги назад, ежели захотят вернуться. Среди восточных панов были особые спекуляторы на таких беглых; ими главным образом Вишневецкие колонизировали свое Посулье, где на месте пустыни, бывшей здесь еще в начале XVI века, к концу его были десятки сел, а к середине следующего – довольно густо заселенная местность с порядочными городскими центрами. По инвентарям 1640 годов, в «Вишневецчине» было 40000 хозяйств, в том числе в ее

столице, Лубных, – 2646 дворов, а Иеремия, мог затратить на свою свадьбу 250000 злотых (почти 300000 золотых рублей). При этом целые города, например Пирятин, были заселены беглыми. Замки Вишневецких давали этому пришлому люду оборону от татар. Но кто был по-храбрее, в своих поисках воли и лучшей жизни не останавливался, конечно, на подданстве Вишневецким: на восточной окраине панская колонизация сталкивалась с другой колонизационной струей – с колонизацией вольной, казацкой.

Романтическое представление о казачестве как о союзе вольных людей, не стерпевших крепостного ига и ушедших в вольную степь строить себе новый мир, где все равны, где нет крепостных и господ, – это представление очень живуче в исторической литературе даже до сего дня. Знакомясь с фактами, вы, однако же, напрасно ищите той «демократической, пролетарской дружины», о которой вы столько читали и слышали. Под именем «казаков» вы везде встречаете мелких землевладельцев, очень напоминающих тогдашнего окраинного помещика и целыми рядами незаметных переходов связанных с земледельческим классом вообще. Мы уже упоминали об этом, не приводы подробностей, по поводу роли казачества в Смуте. Вот несколько образчиков того, что представляли собою великорусские казаки южной окраины. Под Белгородом было село Стариково, населенное беломестными атаманами и казаками. У каждого из первых было по 30 четвертей пашни «в поле», т. е. по 45 десятин пахотной

земли всего, и по 150 копен сена; у каждого из вторых – по 20 четвертей (30 десятин) и по 100 копен. Кроме казаков в том же селе жило 34 человека бобылей, работавших на этой самой казацкой земле. То же самое было и под Воронежем.

В обычном представлении запорожские казаки рисуются до такой степени противоположными всему, что мы связываем со словом «буржуазия», что классовое родство казачества и мещанства теперешнему читателю, смотрящему сквозь призму исторической романтики, разглядеть нелегко. Современникам, для которых казаки были вполне реальной вещью, это удавалось лучше. Польский хронист Мартин Бельский так описывал низовое казачество: «Эти посполитые люди обыкновенно занимаются на низу Днепра ловлею рыбы, которую там же, без соли, сушат на солнце и тем питаются в течение лета, а на зиму расходятся в ближайшие города, как-то в Киев, Черкасы и другие, спрятавши предварительно на каком-нибудь днепровском острове, в укромном месте, свои лодки и оставивши там несколько человек на курене или, как они говорят, на стрельбе». Эти показания вполне сходятся с тем, что мы знаем о запорожцах из документов: в древнейшем из них, грамоте литовского великого князя Александра (1499 года), фигурируют казаки, приходящие сверху, от Киева и Черкас, на низовье Днепра рыбу ловить; часть улова они должны были отдавать киевскому воеводе – по этому случаю дана и грамота. Через сто лет связь Запорожья с Киевом была еще настолько прочна, что в

Киеве делалась запорожская политика. Из описания очевидцев мы узнаем, что «демократическая, пролетарская дружина» была организована весьма аристократически. Запорожское вече состояло из двух «кол»: одного, в котором совещалась старшина, и другого «из простого народа, называемого у них чернью» (!). В это последнее коло членов запорожской демократии есаулы загоняли палками. Решения здесь постановлялись быстро и провозглашались с большой экспансивностью. Деловые переговоры все же таки пришлось вести со старшиной. Запорожская аристократия умела блюсти интересы Сечи, где она была хозяйкой не только в политическом отношении, конечно. Роль «владельцев челнов» мы уже видели; помимо них, очевидец упоминает в числе «зажиточных казаков» еще «охотников», а современные документы – «хуторян». Казак, как мелкий землевладелец, проник, таким образом, и за пороги, но здесь, в этих нетронутых местах, он перемешивался еще с промышленником, вовсе, однако же, не походившим на горьковского босяка. Сечь была достойной представительницей мелкой казацкой буржуазии.

Особенности географического положения Запорожья создавали здесь, помимо земледелия, охоты и рыболовства, еще один промысел, который всего больше определял собою физиономию низового качества. «Владельцы челнов» совсем не потому только делали в Сечи и дождь, и хорошую погоду, что суда были необходимы для рыбной ловли – рыболовная лодка далеко не была таким ценным орудием

производства, как мореходная чайка, необходимая отнюдь не для одного рыболовства. Северные берега Черного моря уже тогда были покрыты турецкими и татарскими поселениями, достаточно богатыми и культурными, чтобы там было, что взять. В Бело-граде (Аккермане, Бессарабской губернии) был, по словам польского хроникера, «большой порт, из которого до самого Кипра пшеницу с Подолии возили; теперь через тот город сухим путем на Очаков к Москве ходят только караваны». Автор тут же и объясняет, кажется, сам того не замечая, почему упала аккерманская торговля: «Из Белогграда пролегает широкая дорога, на которой казаки часто турецких купцов разбивают, и если хотят добыть языка, то добывают его скорее всего именно там», «Они (казаки) причиняют очень часто большую беду татарам и туркам и уж несколько раз разрушали Очаков, Тягинку, Белгород и другие замки, а в полях немало брали добычи, так что теперь и турки, и татары опасаются далеко выгонять овец и рогатый скот на пастбище, как они прежде пасли, также не пасут они скота нигде, и по той (левой) стороне Днепра на расстоянии десяти миль от берега...» Так, случайное указание польского летописца вскрывает перед нами специальную причину постоянных столкновений уже не казачества, а именно Запорожья с поляками: морские разбои низовых казаков лишали крупное польское землевладение ближайшего рынка для продуктов его имений. Спор шел, действительно, между «культурой» и «дикостью», как склонны изображать дело

новейшие польские писатели: вернее сказать, между двумя ступенями культуры – к северу от порогов была уже полукапиталистическая Европа XVI века, к югу процветали нравы времен Святослава Игоревича. Стремление подчинить Запорожье государственной опеке и прекратить губившее польскую торговлю пиратство, с одной стороны, стремление не допустить этой опеки и обеспечить за собою исконный «национальный промысел» – с другой, составляют исходную точку всех столкновений Польши с Запорожеством, начиная с бунтов Косинского и Наливайки до восстания Хмельницкого. Суть конфликта опять-таки очень хорошо и опять-таки бессознательно намечена тем же польским хронистом, которого мы уже цитировали выше (Мартином Бельским). «Казаки нас наиболее ссорят с турками, – пишет он, – сами татары говорят, что если б не казаки, то мы могли бы хорошо с ними жить; но только татарам верить не следует: хорошо было бы, чтоб казаки были, но нужно, чтобы они находились под начальством и получали жалованье... Если бы мы захотели привести в порядок казаков, то это легко можно было бы сделать: нужно принять их на жалованье и построить города и замки по самому Днепру и по его притокам, что очень легко сделать, так как леса на островах имеется весьма достаточно, – было бы лишь к тому желание»...

В то время когда писались эти строки, «желание» было уж обнаружено в достаточной мере, в 1572 году король Сигизмунд Август назначил «старшего и судью» над запорож-

скими казаками, подчиненного, в свою очередь, коронному гетману (главнокомандующему польской армией). Несколько позже началась постройка и замков (сначала в Кременчуге), откуда польские гарнизоны могли бы «держаться в порядке» Запорожье. Но политика польского правительства в этом пункте не отличалась выдержанностью: среднее землевладение, шляхта, господствовавшая в это время на сеймах, не склонна была очень принимать к сердцу интересы украинских магнатов. Тем приходилось самим заботиться о себе, – и первое казацкое восстание, Косинского, носит чрезвычайно характерную физиономию дуэли низового рыцарства с отдельными феодалами, сначала Острожским, потом, когда последний оказался сильнее, чем думали его противники, с Вишневецким, на победе которого движение и оборвалось. Позднейшие украинские летописцы уже к этому моменту казацкой революции усваивали ту религиозную идеологию, которая должна была неразрывно связаться с казацким движением позднее. Но на самом деле Косинский и его товарищи не выставляли еще никаких, ни религиозных, ни социальных лозунгов, их движение даже не было движением всего казачества, а с другой стороны, в нем видную роль играли и неказацкие элементы: сам Косинский был шляхтич. Наиболее определенный пункт его программы заключался в требовании казацкого «присуда», т. е. упразднения феодального суда и предоставления казачеству того же права выбирать себе судей, какого давно добились западнорус-

ская шляхта. Но не прошло двух лет со смерти Косинского, как мы имеем перед собою уже весьма типичный казацкий бунт, со всеми его классическими признаками – участием панских «подданных», крестьян, погромами католиков и униатов и т. д. То было разыгравшееся в 1595–1596 годах и захватившее все Поднепровье, от Могилева до Черкасс, восстание Наливайки и Лободы. Лозунг «За православие против католицизма и унии» был поднят впервые Наливайкой; его деятельным помощником был православный священник, его брат, Демьян. Как понимали они борьбу за православную веру, показывает их первое выступление, направленное против известного нам инициатора унии Терлецкого. Не будучи в состоянии достать его самого (тот был тогда в Риме именно по делу унии), Наливайко со своими казаками, во-первых, дотла ограбил имение его брата и жены этого последнего, забрав у них все, что только было в их усадьбах ценного; а затем экспроприировал ризницу Терлецкого, предусмотрительно спрятанную последним перед отъездом в одном частном доме, что, однако же, не спасло ее от казаков. Затем, по очереди, были ограблены все тянувшие к унии духовные и светские феодалы, попадавшие на пути восставших. Но мы напрасно стали бы искать каких-нибудь положительных шагов со стороны Наливайки с целью восстановить господство православия: редко в истории так называемых религиозных войн религия более наивно выдвигалась, как простой предлог, чем здесь. Врагами православия очень

быстро оказывались все, у кого было что взять: рядом с епископами-униатами и католическими костелами Наливайко грабил и торговцев-караимов, и православных мещан, которые сами, как мы видели, были противниками унии. Формулируя свои требования в письме к королю Сигизмунду, Наливайко, в сущности, все сводил к тому, чтобы польское правительство взяло его казаков на жалованье, а самого Наливайку сделало над казаками гетманом. И еще более откровенно та же мысль проводится в замечательном письме другого героя восстания 1595–1596 годов, запорожского кошевого Лободы, к гетману Замойскому. «Ты не требуешь от нас услуг великому княжеству литовскому и всей Речи Посполитой, – писал вождь низового казачества, – ты указываешь на мир со всех сторон, со всеми неприятелями короны польской. За это да будет хвала Господу Богу за такой мир люду христианскому, что он смягчил сердце каждому неприятелю креста святого. Но если мы пришли в этот край, то причина этого для всякого очевидна: в это зимнее непогодное время, когда ты нас никуда не требуешь на услугу, Бог знает, куда нам направиться; поэтому покорно и униженно просим, благоволи не заборонять нам хлеба соли». А так как на это гетман мог бы ответить, что «хлеба-соли» достаточно забрал себе Наливайко, то Лобода спешит откреститься от этого союзника-конкурента: «Что же касается того своевольного человека Наливайка, который, забывши почти страх Божий и пренебрегши всем на свете, собрал по своему замыслу лю-

дей своевольных и чинил большие убытки короне польской, то мы об нем никогда не знали и знать не желаем».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.